
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

...С квадратными окошками...

О. М.

Родимый город, старые ступени,
А в сумерках под парковой листвой
Кентавры и давленников тени,
Мечтаний наркотических конвой.

Все это здешней графики наитье,
Но в обложке из надгробий дом,
Где стольких судеб стягивались нити,
Вполне реален. Поскорей пройдем!

И отдалимся от дворцов и статуй,
Туда, к домам доходным на Пески,
Где нищета в ночи белесоватой
Поэтов умиляла колдовски.

И ведь в любом подъезде запах кошки,
Струенье газа, времени отстой.
Вот кухонька в открывшемся окошке,
Там пили в голод кипяток пустой.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Шум листопада. По-чухонски сыро.
Но чудится тот полудетский пыл...
Вот и она, Карамзина квартира,
Где, объясняясь, Пушкин слезы лил.

И женщина, как грешника святыня,
Его отвергла и была права.
А без нее и целый мир — пустыня!
Потом семья — алтарь без божества.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Живет в Москве. Автор 35 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

ЗИНОВЬЕВ

Погода длилась буревая,
И, став сатрапом своевольным,
Зиновьев ездил на трамвае,
Соскакивая перед Смольным.

Бывавший Ильичу всех ближе,
Его соавтор, честью гордый,
Но тосковавший о Париже,
Куда не доберутся орды.

Из придорожного борделя,
Принадлежавшего папаше,
Явившийся, все выше цели,
Все злее в общем ералаше.

Расстреливавший и вызывавший,
Все грезя Лондоном и Римом,
А после сапоги лизавший
Расстрельщикам неумолимым.

Промчался в тамбуре трамвая,
Мелькавший пышной шевелюрой...
Пришли, страницы вырывая
Истории, от крови бурой.

* * *

Растения не прекращали спора,
Борясь за жизнь, но и к твоим делам
Не оставалась безучастной флора,
Когда входил в поросший лесом храм.

Ты помнишь набегавшие оравой,
Шептавшиеся глухо тростники
И карагач, своей корой корявой
Так бережно касавшийся щеки.

И мыслящие крины Иудеи,
Цейлон, где был их милостью храним,
И разевали пасти орхидеи,
Когда, робея, приближался к ним.

В ГИМАЛАЯХ

Увяз в снегу мохнатый як,
Тибетец погоняет яка.
Но дальше уж нельзя никак.
Такая высота, однако!

Теперь безмолвию внимай!
Здесь в жажде спорных территорий
Глядит на Индию Китай
Косыми ликами нагорий.

Повиты облаком венцы,
Мгла осеняет панораму
Пути, которым беглецы
Несли младенца далай-ламу.

ВОСТОКОВ

Должно быть, белокурым был Востоков.
Ну — Остен-Сакен! А возможно, нет.
Душевных свойств, невидимых пороков
Не передал прижизненный портрет.

Но немец или полунемец этот,
Чья жизнь была пристойна и тиха,
Открыл, явив сравнительный свой метод,
Возможности российского стиха.

Россия гибнет. Лезет вон из кожи,
Спасая то, чего Господь не спас.
Но выживет. Ведь не исчерпан все же
Просодии таинственный запас.

РОМАН

Эта давность — первые свиданья,	Эти безнадежные измены,
И признанья сбивчивая речь,	Возвращенья судорожный жар.
И непостижимость обладанья,	Эти письма, эти телеграммы,
И тоска, и невозможность встреч.	В телефоне частые звонки,
Эти изнурительные сцены	И стихи уже к исходу драмы,
И пример благополучных пар,	И одышка посреди строки.

* * *

Памяти Д. М. Зуева-Инсарова¹

Менялся почерк. Четок был и мелок.
Теперь остаток затаенных сил
Стремясь извлечь из будничных безделок,
Он заметался, линию скосил.

Был бурным путь и оказался долог,
Давно не нужен в подписи аграф.
Сбывается все, что наплел графолог,
В конце раздор и смуту предсказав.

Теряли буквы связь и отлетали,
Как будто снова вспыхивала страсть...
А перерыва нет в сальто-мортале.
Теперь осталось встать или упасть.

¹ Выдающийся русский графолог, автор классического труда «Почерк и личность».